

В.Г. Чеботарев. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг.
Общественная академия наук российских немцев. М., 2003. 852 с.

Эта книга представляет собой несомненную сенсацию в нашей научной литературе – пародоксально, но хорошо известный факт, что И.В. Сталин был наркомом по делам национальностей до самой ликвидации этого наркомата, совершенно не отразился в нашей научной и исторической литературе. Складывалось впечатление, что СССР в 1922 г. появился из ничего или же был просто автоматическим результатом осуществления Декларации прав народов России 1917 г.

Автор книги не задается вопросом о том, как Сталин оказался во главе такого сложного и проблемного наркомата, видимо, считая, что это само собой разумелось – “интересный грузин” и автор известной работы “Марксизм и национальный вопрос”, выросший в противоречивой обстановке такого сложного в национальном отношении региона, как Закавказье, должен был быть знатоком национальных проблем и возглавить этот наркомат.

Тем не менее содержание этой работы создает несколько странное впечатление, как будто этот наркомат действовал в сложных условиях Гражданской войны как фантастический “всадник без головы”: нарком был занят другими делами и планами, как сохранить советскую республику в целом и как обеспечить себе в ней, по словам Ленина, “огромную власть”. Это так, но все же представляется, что автор,вольно или невольно, приуменьшает роль наркома и центральных органов в деятельности Наркомнаца.

Видимо, это объясняется тем, что на страницах книги впервые выходят из тени подлинные творцы тогдашней национальной политики и предтечи будущего СССР – заместители наркома и руководители комиссариатов Бродо, Пестковский, Клингер, Султан-Галиев и другие, о которых 60 лет мы ничего не знали, ибо все они оказались среди жертв репрессий, несмотря – или, может быть, именно из-за близости к зловещей фигуре своего начальника, который не мог терпеть около себя ни соперников, ни даже просто оригинально мыслящих людей (с. 214). Возможно, именно стремление подчеркнуть их роль и привело автора к некоторой односторонности в оценке деятельности Сталина и его помощников.

История Наркомнаца вплоть до его ликвидации изобиловала реорганизациями – комиссариаты превращались в отделы, отделы – в секции, комиссариаты становились представительствами создаваемых республик, процветал параллелизм различных органов и систем, который усугублялся слабостью кадров. Лишь немногие сотрудники наркомата могли похвастаться знанием языков тех народов, которые они должны были по должности опекать и которым они должны были содействовать в образовании их автономий и других местных органов. Профессор Тан-Богораз мог бы служить примером и идеалом деятеля в этой области, другие попадали сюда более или менее случайно (с. 547).

Идеология пролетарского интернационализма была прекраснодушной мечтой, которая еще как-то работала в Западной Европе и в промышленных центрах, но никак не подходила к нашим национальным районам и республикам, населенным почти исключительно крестьянским населением, малограмотным и ограниченным местными интересами, какое уж там было понимание международного положения и какие представления о жизни иностранных “товарищей по классу”! Это видно даже по работе с российскими немцами, которые органически не терпели даже знавших их язык пришлых германцев, это были крестьяне с фермерскими устремлениями, не связанных с чуждым им по языку и культуре городом и вовсе не желавших превращаться в городских пролетариев! Их идеалом была крестьянская демократия с элементами рынка и капитализма, но никак не социалистически преобразованная промышленность, о которой они и понятия не имели. Отсюда и жалобы в докладах с мест, как в Наркомнац, так и в национальные секции, на трудности общения с населением и на его непонимание задач “нацменработы”.

В таких условиях трудно было наладить более или менее научно обоснованную информацию и статистику, наркомат питался главным образом отчетами и письмами с мест, где статистические данные были преувеличены или занижены в два–три раза. Несколько удивляет, почему автор не использует материалы переписи 1920 г., и в особенности более объективной переписи 1926 г. – несмотря на небольшой сдвиг по времени, эта вторая советская перепись все же могла бы прояснить многие вопросы о размещении национальностей и о разграничении автономий, которые без статистических данных повисают в воздухе (это касается как татаро-башкирских проблем, так и разборок по марийско-чувашскому вопросу). Сюда же относится полное отсутствие в работе картографических материалов, по-видимому, они должны

были быть в архивах, поскольку имелись даже в приложениях к материалам переписи 1926 г. Это тем более важно, что при цитировании архивных документов автор использует наименования из старого административного деления России на губернии и уезды. Для читателя было бы полезно расшифровать эти термины в свете последующего районирования и нынешнего административного деления.

Это же относится и к упоминаемым в работе финансовым показателям – приводимые суммы ассигнований на отдельные подразделения или мероприятия оказываются совершенно не реальными в условиях господствовавшей в начале 1920-х годов бурной инфляции. Следовало бы соотнести эти показатели с царской золотой валютой периода до 1914 г. или с советской валютой 1927 г. (отметим, что автор сама осознает несовершенство этих показателей и оговаривает это на с. 817).

Господствовавшая в госаппарате идеология военного коммунизма, большого скачка и мировой революции не способствовала вдумчивому рассмотрению и разрешению национальных проблем. Чего стоит одна история с татаро-башкирской республикой, когда принимались решения, позднее отвергавшиеся или менявшиеся до противоположного (с. 103).

Естественно, что структура работы следует в основном за организационной структурой наркомата: Поволжье и другие автономные образования, Мусульманский комиссариат, Еврейский комиссариат (более 100 стр.!), отделы национальных меньшинств (только 50 стр.?), немецкие колонии (160 стр.) и отдельный раздел на почти 100 стр. по Туркестанской АССР. При этом как в работе самого наркомата, так и в архивных материалах отмечается определенный уклон в сторону Востока, что неудивительно, если учесть опыт автора, которая много лет работы посвятила именно Средней Азии.

Другая сторона такого “уклона” заключается в том, что в работе используются исключительно фонды центральных архивов, ГАРФ и РГАСПИ, ссылки на литературу минимальны, не говоря уже о местных архивах, которые вряд ли можно было оставить совершенно без внимания. Мы насчитали не менее тридцати абзацев, где в той или иной мере критикуются местные органы власти за их головотяпство и невежество в национальных проблемах, в этом много спортивного и правильного, но как же это выглядело на местах, особенно в отношениях партийных комитетов и национальных отделов?

Хотелось написать здесь “и секций”, но это было бы некорректно – на самом деле вся работа по национальным вопросам разделялась в это время на три потока: Наркомнац, национальные секции РКП(б) и национальные секции Наркомпроса, не говоря уже о высших органах, Совнаркоме и ВЦИКе, которым вся эта сложная система подчинялась. Автор сама чувствует те живые связи, которые существовали между этими системами, привлекает материалы из национальных секций, особенно немецких, но в то же время предлагаемый материал носит несколько урезанный характер, не говоря о том, что важнейшие вопросы народного образования национальностей вовсе остаются за бортом.

Интересны материалы о создании национальных частей Красной Армии, но как раз здесь не хватает освещения деятельности национальных секций, которые, собственно говоря, эти части создавали и воспитывали. В целом в книге не ощущается атмосфера Гражданской войны, имевшей иной раз решающее значение для разрешения национальных проблем этого времени – ведь часть народов оказалась по одну сторону фронта, а часть – по другую, что и определяло позицию местных национальных групп. Достаточно указать на положение немцев на Волге, где они составляли резерв и опору продовольственного и кадрового снабжения Красной армии, и на ту их часть, которая, оказавшись в Сибири и под властью Колчака, бунтовала против этой власти. Точно так же нельзя было упускать из виду политику белых правительств, которые под лозунгом “единой и неделимой” России отталкивали от себя национальные круги и объективно содействовали сплочению народов вокруг республики и советской власти, которая им, надо признаться, плохо отплатила за эту поддержку.

Могут возразить, что согласно известному афоризму, нельзя объять необъятное и все втиснуть в одну книгу, но все же при объеме в 850 стр. можно было бы уделить хотя бы несколько слов этим немаловажным обстоятельствам жизни национальностей. Это видно очень ярко и на примере Крыма – рассматриваются вопросы татарской автономии, но как будто в Крыму не было ни местных правительств, ни германской оккупации, которые тоже имели свой взгляд и несомненное влияние на национальные проблемы.

Кстати, о терминологии. По-видимому, кроме известного явления гипноза текста есть и гипноз архивного документа: все, что там написано, представляется непререкаемой истиной, в том числе и терминология изучаемого периода. Так, в Наркомнаце был отдел национальных меньшинств – в книге так и не прояснено, кто и что относилось к компетенции этого от-

дела и что такое национальное меньшинство вообще. Евреи, которым посвящено более 100 стр. книги и которые имели специальный подотдел в наркомате, на Западе вообще национальностью не считаются, а в России в части своих элит тоже проживали вне черты оседлости, тем более рассеялись в ходе Гражданской войны, погромов и беженства по всей Европейской России. Какое влияние оказывало на их существование в этих трудных условиях рассеянное расселение в качестве национального меньшинства? Наркомнац и другие советские учреждения того времени недаром разделяли в своей работе национальные меньшинства Запада и таковые же Востока, что, в частности, было выражено и в создании двух вузов для них – КУНМЗ и КУТВ. Естественно, что наблюдалась большая разница в работе среди поголовно грамотных евреев или немцев и среди почти столь же поголовно неграмотных башкир или чuvашей. Кстати, термин “нацмены” тогда трактовался расширительно, а впоследствии от него вовсе отказались под предлогом того, что национальный вопрос решен. Между прочим, важнейшими вопросами того времени была работа среди латышей (вспомним латышских стрелков Красной Армии) и эстонцев, и те и другие были меньшинствами в РСФСР и очень активно работали в своих секциях – а о них в книге нет ни слова!

Естественно, что в книге, выпущенной под грифом Общественной академии наук российских немцев, значительное место удалено именно судьбам этого народа, который претерпел свирепые преследования со стороны царизма и уже поэтому был готов поддерживать власть Советов. Кроме того, у немцев России, то ли на Волге, то ли на Украине, неожиданно обнаружился мощный союзник в лице бывших военнопленных центральных держав, которые обратились в коммунистическую веру и были активными участниками как Гражданской войны, так и организации хозяйства и тыла в советской республике. Их организации и секции были опорой советизации немецкой деревни. Несмотря на многочисленные недостатки в их работе, на которые справедливо указывает автор, они были часто единственными представителями новой власти, которые могли разговаривать с немецкими колонистами на понятном языке. Это не спасало их как от невежества в отношении исторических условий России, так и от бездумного усвоения российских революционных методов, но все же без них не могли обойтись ни будущая республика на Волге (тогда Трудовая коммуна), ни будущие немецкие национальные районы на Украине и в Крыму. Кстати, автор указывает, что в Закавказье немецких секций или отделов не было, хотя там при царизме существовали инспектора колоний. Это не случайность или недосмотр Наркомнаца, а только отражение того факта, что там были самостоятельные государства, но не было лагерей немецких военнопленных, которые располагались в Сибири, а не в благодатных южных краях.

Странным образом упущена при описании немецких колоний и роль Поволжского комисариата, который под руководством бывших военнопленных Ройтера и Петина фактически подготовил создание Трудкоммуны, ее округление в 1922 г. (как будто к этому событию Наркомнац не имел никакого отношения?) и тем самым создание будущей АССР Немцев Поволжья в 1924 г. Между прочим, Э. Ройтер (кличка Фридлянд), будучи очень левым коммунистом, по возвращении в Германию быстро вернулся в свою старую партию социал-демократов и закончил карьеру в должности обербургомистра Западного Берлина – в этой связи было выпущено собрание его сочинений, причем издатели испытывали немалые трудности при изображении его коммунистических подвигов на Волге. Теперь некоторые авторы на Западе очень хотели бы возложить на комисариат и на Ройтера лично вину за голод 1921 г. в Поволжье, при этом тщательно закрывая глаза на природные причины катастрофы, усиленные по-словоенной разрухой и проразверсткой, которая была отнюдь не национальным явлением.

Видимо, и другие назначенные Москвой комиссары не были глухими и слепыми органами Центра, у них было свое мнение, что видно и по приведенным в книге потрясающим документам, где представители Центра выступают от имени того населения, которое они якобы назначены были грабить при помощи проразверстки (кстати, изобретенной и введенной вовсе не Советами, а еще Временным правительством!). Если бы было иначе, то какие трудности могли бы возникнуть при национальном размежевании, например, Чувашской и Марийской республик (с. 168–170)? Очевидно, что комиссары Наркомнаца играли свою роль при защите интересов того или иного народа. При этом следует обратить внимание на несколько странную систему отражения их биографий: во-первых, биографии слишком кратки и неполны (следует оговорить: это из-за краткости их жизни или из-за недоработки автора), а во-вторых, они часто оторваны от текста и темы. Так, справка о Клингере попала в раздел о чuvашах, хотя он заведовал немецким подотделом Наркомнаца (с. 139). В персоналиях его нет вовсе, так же как и председателя немецкой секции Б. Бартельса, который дважды упомянут в тексте (с. 674 и 701), но в указатель не вошел (он является автором интересной брошюры о немецких

колонистах 1928 г.). По меньшей мере надо было бы включить сведения о биографиях главных лиц Наркомнаца в указатель персоналий, указав место этих биографий в книге.

В целом раздел, посвященный немецким колониям, представляет значительный интерес, хотя и пестрит многочисленными ошибками и неувязками. Так, уже на первой странице (с. 549) говорится, что из представителей московский партийной организации формируется Центральное бюро немецких секций, куда входят российские немцы и военнопленные различного происхождения. Во-первых, секции формировались вовсе не в Москве и не из рядов московских работников, а в лагерях военнопленных, в Поволжье, на Урале и в Сибири, но, главное, российские немцы туда не входили и входить не могли, ибо среди них коммунистов заведомо не было, а те, что были, “держались в стороне” от немецких секций. Недаром даже возглавить Комисариат для немцев Поволжья были призваны двое бывших военнопленных, причем Э. Ройтер выдвинулся из их массы, как сказано в его биографии, благодаря знанию русского языка, что отнюдь не свидетельствовало о его связях с самими немцами Поволжья или вообще с немецкими колониями! Тут же говорится о переброске большого числа работников в немецкие колонии – это еще раз подтверждает, что первоначально (до августа 1920 г.) немецкие секции вообще колониями и колонистами не занимались, даже их газеты – “Роте Фане” в Москве и “Вельтреволюцион” в Омске издавались исключительно для бывших военнопленных, омская газета после августовских решений была переименована в “Дорфрат” – надо только представить себе масштаб изменений в работе секций – от мировой революции до сельского совета!

Кстати, сеть немецких секций представлена автором (с. 152) также несколько односторонне – понятно, почему была немесекция в Марксштадте и почему их не было в соседних русских городах Саратове и Покровске, но вот в Сибири немесекций было больше, чем указано в книге – не упомянуты (с. 552) Барнаул и Бийск, где немецкого населения не было не только в городах, но и на селе, а вот секции были – потому что были лагеря военнопленных! Очень странно утверждение (с. 554), что секции и филиалы Наркомнаца старались восстановить беднейшее немецкое крестьянство в правах владения прежним имуществом, которого оно было лишено после 1914 г., в том числе зданиями, инвентарем и хуторами. Хутора немецкой бедноте никогда не принадлежали, лишены были по царским законам прав на землю прежде всего крупные землевладельцы, которые владели также большей частью инвентаря. Интересам бедноты отвечало бы последовательное проведение земельной реформы 1920 г., а не возврат к правам землевладельцев 1914 г. Фактически огромные купчие земли старых немецких колоний и были у них отобраны советскими властями, немецкая же беднота земли пока не получила. Поэтому и не могли секции рассчитывать на поддержку местного “пролетариата” (кавычки автора на с. 561), если даже рабочие местных заводов не принимали участия в “революционной жизни”, тем более что пропаганда секций была “противонациональной и антирелигиозной” (с. 561), а сами уполномоченные местного языка и обычая не знали (с. 568). Банды белобандитов в самом деле действовали в Поволжье, конечно, в них участвовали и крестьяне, только вот о том, что это были немецкие крестьяне и что эти банды были политическими (с. 564), говорить вряд ли стоило, это требует доказательств, поскольку до сих пор писалось в записках и воспоминаниях, что эти банды были русскими (Пятакова и др.)². Это подтверждает и сам автор, говоря в этой связи о русских селах и повстанческом движении в Камышинском и Покровском уездах (Покровской обл. не было). Разговоры о том, что “эти районы имеют тесную связь со смежными селами Трудкоммуны” (с. 566) по меньшей мере несерьезны, что это за связи с немцами и как это доказывалось? Пишет же автор, что немцы и меннониты жили изолированно и русским языком не владели (с. 571, 573). Показательна, кстати, вынужденная тактика автора в описании положения в немецких колониях – ей приходится разделять это описание по различным регионам. Причем она не всегда четко разделяет эти регионы по их особенностям: одно дело Поволжье, а другое дело Крым или Оренбуржье, во втором случае господствовали богатые немецкие колонисты-фермеры, в третьем – не менее состоятельные меннониты. Так что немецкие секции и их агитаторы натыкались здесь на различные неожиданности, как, впрочем, и сами работники из российских немцев: если они попадали “не в свою тарелку”, они тоже чувствовали себя среди немцев как за границей³.

Очень неясно изложен вопрос о ссылочных немцах на Урале (с. 575) – запреты собираться в количестве более трех человек, разговаривать по-немецки и т.д. были свойственны не только местам ссылки. Это было следствие общей национал-патриотической пропаганды в период Первой мировой войны, сами же ссылочные четко разделялись на германских подданных и волынских колонистов. Первые были большей частью горожанами, вторые – крестьянами, их потери при ссылке и их образ жизни были несравнимыми. Дело было вовсе не в возможных

конфликтах с местными жителями, это была, видимо, только отговорка местных властей, автор же принимает такие суждения за чистую монету. Подобные недостатки (мы не можем судить, свойственны ли они только немецкому разделу книги или встречаются и в других ее частях) свидетельствуют о том, что было совершенно недостаточно представить рукопись такой капитальной работы только двум рецензентам, из которых один – бывший начальник автора, а другой – ее же недавний соавтор⁴. Такая рукопись должна была бы стать плодом творчества целого коллектива разнородных и разноязычных авторов (хотя бы с точки зрения владения языками и тематикой), либо должна была бы подвергнуться обсуждению на форуме специалистов, тем более что такой периодически собирающийся форум (по крайней мере в отношении немецкой части) уже существует – это международные “анапские” конференции историков немцев России. Этот форум уже выпустил девять томов своих работ, в нем постоянно участвуют и российские немцы, и специалисты-эмигранты – и вдруг на очередной 10-й конференции мы неожиданно получаем такой сенсационный труд, который и радует нас новой информацией, и одновременно огорчает нас ошибками и недостатками. Кроме раскрытия новых архивных материалов и изложения новых фактов эта работа поднимает и новые проблемы, раскрывает новые горизонты: во-первых, она настоятельно требует расширения тематики по горизонтали, т.е. включения в анализ деятельности национальных секций РКП(б) и национальных секций Наркомпроса, без чего национальная политика этого периода оказывается ограниченной рамками Наркомнаца и определенно ущербной. Во-вторых, возникает потребность расширения этой тематики по вертикали, за счет продолжения исследования работы национальных секций первого и второго рода, Совета Национальностей при ВЦИКе и представительств республик в Москве. Аргумент ясен, что перепись 1926 г., районирование, создание национальных районов и коренизация аппарата в последующие годы составляют не менее важную часть “света и теней” национальной политики, чем деятельность Наркомнаца, рубеж 1923 г. при всей его важности все же не образует Уральского хребта в национальной политике советской власти, тем более что роль Сталина в ней и в жизни страны в целом отнюдь не уменьшается после ликвидации его “родного” наркомата.

Примечания

¹ Reuter E. Schriften und Reden. Soldat und Kriegsgefangener. B. I. B., 1972. S. 409–411.

² Hermann P., Gossen J. Mariental / Sowetskoe. Seiten der Geschichte. Alma-Ata, 1987.

³ Emich Th. Vaters Schicksal // Heimatliche Weiten. 1990. № 1. S. 156–158.

⁴ История российских немцев в документах / Сост. В.А. Ауман и В.Г. Чеботарева. Т. II. М., 1994.

Л.В. Малиновский